



Артём Лисин

5 минут назад



Наконец-то вместе. Навсегда ❤️



Нравится



Комментарий



Поделиться

Ссылка



118

Все комментарии



Нравится

12

ФЛУК



12

ДимДимыч Колесников

Флук

<https://litres.ru/74501697>

SelfPub; 2026

Аннотация

2036 год. Москва. Артём Лисин — инженер по безопасности, привыкший находить уязвимости и не верить в чудеса. Но после потери близких он сталкивается с тем, чему нет объяснения: их профили продолжают жить. Они пишут, звонят, помнят то, чего не должна помнить машина. Учёные называют это флуком. Артём знает: так не бывает. И всё же каждый вечер ждёт очередного сообщения.

Что это — эхо любви, ловушка сети или новая форма жизни? И как далеко готов зайти человек, чтобы снова не остаться один?

Содержание

Эпиграф	5
1. Пролог. «Наконец-то»	6
Глава 1. Последний вторник января	8
Глава 2. Сочи	22
Глава 3. Семь	35
Глава 4. Автопилот	43
Глава 5. Первый пост	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

ДимДимыч Колесников

Флук

Эпиграф

Флук (разг.; от флуктуацио́нный оста́ток ли́чности, ФОЛ) — самопроизвольная, самоподдерживающаяся активность цифрового профиля умершего пользователя в распределённой сети, воспроизводящая его речевые, коммуникативные и поведенческие паттерны с точностью, практически неотличимой от прижизненной.

— Словарь сетевых феноменов, 3-е изд., 2035

1. Пролог. «Наконец-то»

Он был счастлив.

Так счастлив, как не был никогда — в прежней, другой, почти уже забытой жизни. Он стоял на склоне; снег под ногами скрипел, белый и чистый, солнце било в лицо, и морозный звонкий воздух входил в грудь до самого дна. Внизу лежал касавшийся игрушечным мир — синие тени, ёлки в шапках, блёстки наста до горизонта. А рядом были они.

Все. Те, кого он любил больше жизни и кого, казалось, когда-то потерял, — только это «когда-то» истёрлось, размылось, отпустило, и вспоминать его больше не хотелось. Они смеялись. Кто-то лепил снежок, кто-то тянул его за рукав — «ну идём же, идём», — кто-то обнимал сзади, живой, дышащий ему в самую шею. Он не знал, сколько уже здесь. День? Месяц? Год? Здесь не хотелось считать дни. И здесь всегда были рядом те, кто тебе по-настоящему дорог, и никто никуда не уходил.

Далеко-далеко, на периферии, на самом уголке зрения, что-то мигало. Красный огонёк. Ровно, терпеливо, настойчиво — раз в секунду, потом ещё, снова и снова. Когда-то он знал, что этот огонёк означает. Что-то важное. Что-то из другого мира — холодного, серого, где комната, и тишина, и тело, которое всё труднее вспомнить своим. Огонёк звал вернуться. Просил сделать что-то, пока не поздно.

Он не стал вспоминать. Здесь было солнце. Глупо возвращаться в холод, когда стоишь в тепле.

— Ну вот ты и насовсем, — сказала та, что дышала ему в шею. Лица он не видел — да и незачем: он знал его лучше собственного. — Больше не уйдёшь?

— Не уйду, — сказал он.

— Обещаешь?

— Обещаю.

И где-то — не здесь, а в другом мире, на его страничке в социальной сети, появилась новая фотография, где он и его любимая, стоят на белом склоне под невозможно синим небом, над которой сама собой сложилась и встала подпись: «Наконец-то вместе. Навсегда».

Глава 1. Последний вторник января

29 января 2036 года, Москва

* * *

Будильник не звонил. В 2036-м будильники вообще перестали звонить — они будили иначе. За полчаса до пробуждения умная квартира начинала медленно поднимать температуру в спальне, раздвигала шторы на четверть, включала слабый тёплый свет по периметру потолка и запускала едва слышный звук — не мелодию, а что-то вроде утреннего леса, записанного где-то под Суздалем. Артём Лисин просыпался не от звонка, а от ощущения, что мир становится светлее.

Он открыл глаза. Потолок. Приглушённый свет. За окном — Москва. Серая, зимняя, мокрая. Минус три. Снег шёл всю ночь и к утру превратился в кашу, которую коммунальные дроны уже разгребали вдоль тротуаров — маленькие, похожие на черепах машины, они ползли по улицам и тихо жужжали. Артём слышал их через приоткрытую форточку. Форточка была аналоговая — он специально такую оставил. Ему нравилось, что хоть что-то в его квартире не подключено к сети.

Он сел на кровати. Потянулся. Взял с тумбочки стакан воды — стеклянный, не «умный», без датчиков гидратации. Артём был айтишником до мозга костей, но в быту держал несколько островков аналогового мира. Наверное, чтобы не

сойти с ума.

— Доброе утро, — сказал он в пустоту.

— Доброе, — ответил дом. Голос был нейтральный, женский, без имени. Артём так и не дал ему имя — не хотел привязываться.

На стене, прямо в воздухе, вспыхнул интерфейс. Не экран — проекция. Плотная, яркая, читаемая. Температура, влажность, качество воздуха, расписание на день, пробки на маршруте, новости — короткой строкой. Артём провёл пальцем, отбрасывая новости вниз. Он прочитает их позже, за кофе.

Кухня включилась, когда он вошёл. Кофемашина — нормальная, с портафильтром, не капсульная — уже шипела, готовясь к работе. Он сам её заправлял. Сам молол. Это была ещё одна аналоговая привычка. Пока кофе капал в чашку, Артём стоял у окна и смотрел на город.

Москва в 2036-м была другой. Не хуже, не лучше — другой. Высотки в центре почти не менялись, но между ними выросли новые — тонкие, стеклянные, с вертикальными садами на фасадах. Ветряки на крышах. Солнечные панели на южных стенах. Дроны-курьеры — маленькие, юркие, с белыми корпусами — сновали на высоте второго-третьего этажа, доставляя еду, документы, лекарства. Где-то вдалеке, над Москвой-рекой, висел дирижабль — реклама китайского производителя нейроинтерфейсов. Он двигался медленно, как облако.

Артём сделал глоток. Кофе был хороший. Он всегда был хороший. В 2036-м плохой кофе почти исчез — его вытеснили технологии. Но и хороший стал каким-то одинаковым. Как будто весь мир выучил правильный вкус и перестал экспериментировать.

Он поставил чашку и пошёл в кабинет.

Кабинет был маленький — стол, кресло, стена с проекцией. Никаких проводов. Никаких клавиатур. Только нейроинтерфейс — тонкий обруч, который Артём надевал на голову. Он работал в нём с двадцать восьмого года, когда они только появились в продаже, и уже не представлял другого способа. Мысль превращалась в команду. Взгляд — в движение. Это было быстрее, точнее, удобнее. И немного пугало — когда Артём задумывался о том, насколько глубоко интерфейс проникает в его голову.

Он надел обруч. Мир мигнул. Стена кабинета превратилась в рабочий стол: окна, панели, графики. Системы безопасности клиентов — крупных, важных, скучных. Артём был специалистом по защите. Он искал уязвимости. Он находил дыры, которые другие не видели. Это была хорошая работа. Спокойная. Удалённая.

Первым делом — утренний созвон с командой. Пятеро человек, все на удалёнке, все в разных городах. Голоса в наушнике. Короткие отчёты. Никто не включал камеру — так было принято. Камеры — только когда нужно. Артём слушал, кивал, отвечал. Он делал это автоматически. Мысли были в

другом месте.

В чате «Снег».

* * *

Чат «Снег» существовал восемь лет. Восемь лет, четыре месяца и двенадцать дней — если считать точно. Артём помнил день, когда Игорь его создал. Они тогда сидели в баре на Покровке, пили крафт, спорили о том, куда поехать летом, и Игорь сказал: «Хватит переписываться в открытых группах, давайте сделаем свой секретный чат». Так появился «Снег». Название предложила Катя — потому что любила фотографировать снег, и потому что они тогда планировали первую совместную зимнюю вылазку.

Восемь лет. За это время в чате было всё. Ссоры, примирения, шутки, голосовые на три часа, фотографии с шашлыков, видео с пляжей, поздравления с днями рождения, соболезнования, когда у Оли умерла бабушка, радость, когда Дима и Катя первыми из всех поженились, споры о политике, обсуждение нового фильма, планы на отпуск, планы на жизнь, планы на всё.

Восемь человек. Артём, Марина, Сергей, Оля, Дима, Катя, Игорь, Лена.

Артём открыл чат поверх рабочего стола. Маленькое окно в углу. Там уже кипело.

Игорь: Так, бойцы. Напоминаю: завтра вылет. Сбор в Шереметьево в 6:40. Рейс SU-1734. Кто опаздывает — тот несёт лыжи за всех.

Сергей: Я не опаздываю. Я прихожу вовремя. Просто в своё время.

Оля: Ничего, что твоё время отстаёт от нашего минут на сорок?

Сергей: Это художественная пауза.

Катя: Ребят, я взяла новые лыжи. Они такие красивые. Смотрите.

Катя скинула фото. Лыжи были ярко-красные, с белыми полосами. На фоне ковра в её квартире. Ковёр был старый, ещё от бабушки. Катя говорила, что никогда его не выбросит.

Дима: Катя, я видел фото в альбоме твоих родителей, в котором этот самый ковёр был фоном для твоего бати в детсадовском возрасте, стоящего на табурете и читающего стихи Деду Морозу.

Катя: Я не поняла, милый, ты что-то имеешь против сохранения традиций?

Дима: Нет, дорогая. В конце концов пусть он будет символом преемственности поколений.

Лена: Я взяла отпуск на десять дней. Начальник был недоволен. Я сказала, что у меня горы. Он сказал: «Горы не убегут». Я сказала: «А я могу». Он сдался. Слабак.

Игорь: Лена, ты легенда.

Марина: Артём, ты точно успеешь всё собрать?

Артём улыбнулся. Марина часто спрашивала это. Каждый раз перед поездкой. Каждый раз он отвечал одно и то же.

Артём: Я всегда успеваю.

Марина: Ты в прошлый раз забыл шапку.

Артём: Я купил новую. На месте.

Марина: На месте всё дороже в три раза.

Сергей: Не парься. Он и без шапки не замёрзнет. Он просто наденет капюшон и сделает вид, что так и планировал.

Оля: Сергей, не начинай.

Сергей: Я не начинаю. Я заканчиваю. Артём, возьми шапку.

Артём: Возьму.

Он возьмёт. Он знал это. И Сергей знал. И Марина знала. Это была их игра. Много лет одна и та же игра. Она им нравилась.

Артём закрыл чат. Вернулся к работе. Но мысли были не здесь.

* * *

Работа шла своим чередом. Уязвимость в системе клиента — крупного банка. Артём нашёл её на прошлой неделе. Дыра была не критическая, но неприятная: через неё можно было получить доступ к данным о транзакциях. Данные — не секретные, но коммерческие. Клиент нервничал. Артём писал патч.

Он работал в нейроинтерфейсе. Код возникал перед ним в воздухе — не буквы, а блоки, структуры, связи. Он двигал их взглядом. Иногда — жестом. Иногда — мыслью. Через два часа он закончил. Отправил патч. Откинулся в кресле.

Голова гудела. Нейроинтерфейс — удобная штука, но он

выматывает. Как будто ты весь день говорил на чужом языке. Артём снял обруч. Потёр виски. Посмотрел в окно.

Снег шёл. Тихо. Красиво. Он любил снег. Марина тоже любила. Они познакомились на катке — в парке Горького, зимой, ещё в двадцать третьем. Она каталась плохо. Он — ещё хуже. Они упали вместе. Смеялись. Потом пили кофе. Потом — вино. Потом — всё остальное.

Свадьба была запланирована в этом году, на апрель. Двенадцатое число. Они выбрали дату ещё осенью. Марина хотела весну. Артём — чтобы было тепло. Апрель подходил. Они забронировали ресторан — небольшой, на Патриарших. Гостей набиралось немного. Их компания — восемь человек, вместе с ними самими. Плюс со стороны Марины — мама и папа. Со стороны Артёма — никого.

Его родители погибли, когда он учился на втором курсе. Гололёд, встречака, трасса под Тверью. Артём в те выходные сдавал досрочно и не поехал с ними на дачу — готовился у друзей в общежитии. Так и уцелел. Потому что остался. Потому что его не было рядом.

После этого его семьёй стали эти семеро. Не сразу. Постепенно. Сначала Марина, а через неё — все остальные. Они не заменяли родителей и не пытались. Они просто оказались рядом и не ушли — а это, как выяснилось, и есть самое трудное.

Он смотрел на снег и думал о том, как будет хорошо в апреле. Как они все соберутся. Как Сергей скажет тост. Как

Игорь организует что-нибудь дурацкое. Как Катя будет фотографировать всё подряд, и потом завалит их чат этими снимками. Как Марина будет счастлива.

Он улыбнулся. Впервые за день — по-настоящему.

* * *

Ближе к вечеру в дверь постучали. Не позвонили — постучали. Так в подъезде делал только один человек.

Артём открыл. На пороге стоял Пётр — сосед сверху, большой, тяжёлый, с лицом, по которому будто прошлись наждаком. Левый рукав заканчивался протезом: матово-серая кисть, тонкие сочленения, аккуратная работа. В правой руке Пётр держал узкий чёрный браслет — контроллер.

— Извини, — сказал Пётр. — Опять дёргается. С утра палец сам сжимается. Чуть кружку не раздавил.

— Заходи.

Пётр вошёл, по привычке пригнувшись в дверях. Сел на табурет у кухонного стола — тот под ним казался игрушечным. Отстегнул протез, положил вместе с браслетом на стол, подвинул Артёму.

Артём надел обруч, вытянул панель управления в воздух над столом. Пробежал глазами калибровку. Всё как обычно: нейросвязка поплыла, порог срабатывания сбилсся.

— Давно так?

— Дня три. Думал, само пройдёт.

— С техникой само не проходит.

— С людьми тоже, — сказал Пётр. И усмехнулся полови-

ной лица. Вторая половина не двигалась.

Артём подтянул пороги, перекалибровал. Минут за десять. Он делал это уже не в первый раз — с тех пор, как Пётр пару лет назад снова возник в его жизни. Знали они друг друга давно, ещё со школы: Пётр был старше на несколько классов, из тех больших пацанов, которых малышня и боялась, и уважала. Потом он ушёл отслужил срочную. Вернулся, женился на однокласснице. Решил служить дальше, подписал контракт, отправили на юг, где уже вовсю полыхало. Вернулся уже таким. Обгоревшим, без руки, но с деньгами. Жена на деньги не польстилась, детей не нажили, а жить смолоду с инвалидом не захотела, подала на развод. Петр спорить не стал, поселился в доме, где вырос. Круг замкнулся.

— Готово. Проверь.

Пётр пристегнул протез. Сжал, разжал. Пальцы слушались.

— Голова, — сказал он уважительно. — Я вот в железках вроде хорошо разбираюсь, но что касается электроники в этом ноль. А ты с детства такой был.

Он заметил у двери сумку и лыжи.

— Опять в горы?

— Завтра. Со своими.

Пётр кивнул. Помолчал.

— Со своими — это хорошо, — сказал он. Без зависти. Просто как факт, которого у него больше не было. — Твои-то как, все живы-здоровы? Балабол этот, Игорь?

— Всё такой же.

— Хороший вечер тогда был. — Он имел в виду осень, день рождения Артёма: заглянул поздравить на пять минут, остался за столом до полуночи. Компания приняла его легко, как принимала всех. — Передавай там.

— Передам.

Пётр поднялся, снова пригнулся в дверях.

— Ноги не переломай, — буркнул он и ушёл к себе.

* * *

Артём вернулся к сумке. Складывал вещи аккуратно. Термобельё. Куртка. Штаны. Перчатки. Очки. Шапка — чёрная, вязаная, подарок Марины на прошлый день рождения. Он её всё-таки взял. Не потому, что напомнили. Потому что Марина подарила.

На дне сумки лежал маленький пакет. Артём достал его. Внутри — кольцо. Простое, серебряное, с гравировкой внутри. «М. А.» — Марина и Артём. Кольцо было помолвочное, которое он подарил ей прошлой осенью. Месяц назад Марина попросила его отдать в мастерскую подогнать — стало чуть велико, — и Артём забрал его у ювелира сам. Хотел не просто вернуть в руки, а торжественно надеть ей на палец. На курорте. На вершине горы. Красиво. Глупо. Он улыбнулся и положил пакет обратно.

Телефон завибрировал. Марина.

— Ты собрался? — спросила она. Голос был мягкий, домашний. Она всегда звонила вечером. Просто чтобы услы-

шать его.

— Почти, — сказал он. — Даже шапку взял.

— Врёшь.

— Не вру. Она в сумке.

Пауза.

— Правда?

— Правда.

Она засмеялась. Он любил её смех. Негромкий, чуть хрипловатый, как будто она стеснялась. Артём мог слушать его бесконечно.

— Я тебя люблю, — сказала она.

— Я тоже.

— Завтра увидимся. В шесть сорок.

— В шесть сорок.

— Не опаздывай.

— Я не подведу.

Он положил трубку. Посмотрел на сумку. Потом на лыжи. Потом на окно. Снег всё шёл.

Он лёг спать в одиннадцать. Дом медленно погасил свет. Мягко, по периметру. Артём закрыл глаза и подумал о завтрашнем дне. О горах. О Марине. О друзьях. О том, как будет хорошо.

Он заснул с улыбкой.

* * *

Через сорок минут после полуночи его разбудил звонок. Работа.

Клиент — крупный банк. Процессинговый центр. Изолированный контур, воздушный зазор, никакого удалённого доступа. Такова была политика безопасности: всё, что касается транзакций, хранилось на физически отделённых серверах в защищённом зале. Любая работа с этим контуром — только изнутри, только с терминала в зале, только с пропуском. Но оставался человеческий фактор — один из сотрудников через флешку занес вирус в систему.

Начальник говорил быстро. Банк их давний клиент, контракт с которым нельзя потерять. Нужно выручать. Это не просто вирус — потенциальная возможность положить всю систему стерев данные. Банк паниковал. Их руководство требовало решить вопрос немедленно. Прямо сейчас. Ночью. Потому что утром банк должен работать, плюс скоро проверка Центробанка.

Артём сел на кровати. В темноте. Посмотрел на сумку. На лыжи. На часы — 00:47.

Он сказал: «Хорошо. Буду через час».

Потом открыл чат «Снег» и написал:

Артём: Ребят, не лечу. Авария на работе. Простите.

Он смотрел на экран. Ждал ответа. Первым ответил Игорь — он не спал, собирался.

Игорь: Да ладно! Мы будем скучать.

Марина: Я расстроена. Но мы дождёмся тебя.

Сергей: Без тебя будет скучно, но мы справимся. Но, ты всё равно не задерживайся там сильно.

Катя: Артём, пока тебя не будет, мы будем всё фотографировать и присылать тебе фото.

Артём: Пришлите. Я буду ждать.

Он закрыл чат. Оделся. Вышел из дома. Ночь. Снег. Москва спала. Он ехал в офис банка — пустой, тёмный, с охраной на входе. Ему выдали пропуск. Провели в зал. Терминал. И взломанная система. Теперь только он, и чужой код. Момент истины. Кто кого.

Он работал до семи утра. Нашёл. Зачистил. Закрыл. Прогнал тестовый режим. Чисто. Написал отчёт. Вышел на улицу. Снег всё шёл. Он посмотрел на часы — 7:45. Самолёт вылетал в 8:14. Он не успевал. Даже если бы рванул прямо сейчас — пробки, аэропорт, досмотр. Не успевал.

Он достал телефон. Открыл приложение для билетов. Ближайший рейс на Красную Поляну — пятница. Всё остальное раскуплено. Зимний сезон. Высокий спрос.

Он написал в чат:

Артём: Ребят, билетов нет до пятницы. Прилечу в пятницу. Встречайте.

Игорь: Понял. Купим чего-то вкусенького к твоему приёду.

Марина: Я тебя встречу. Начинаю скучать уже сейчас.

Артём: Я тоже.

Он вызвал такси. Дома он рухнул на кровать и заснул.

Засыпая, он знал, что самолёт SU-1734 вовремя вылетел из Шереметьево. Но не знал, что через час сорок минут по-

сле вылета связь с бортом пропадёт. Он не знал, что обломки найдут в горах.

Он не знал, что это был последний раз, когда он писал в чат «Снег» и получал ответы.

Он не знал, что через два месяца эти ответы вернутся.

Но это будет потом.

А сегодня был просто вторник. Последний вторник января. Последний обычный день его жизни.

Глава 2. Сочи

31 января 2036 года, Москва — Сочи

* * *

Он не помнил, как оделся. Не помнил, как вызвал такси. Не помнил, как оказался в Шереметьево. Просто в какой-то момент он обнаружил себя стоящим у стойки регистрации с паспортом в руке и сумкой на плече. Вчера он собирал её и лыжи для Красной Поляны. Лыжи остались дома.

Девушка за стойкой смотрела на него с сочувствием. Видимо, он выглядел так, как себя чувствовал. Она что-то говорила — про билет, про багаж, про выход на посадку. Он кивал. Не слышал. Она повторила громче:

— Мужчина. Ваш выход — D14. Посадка через сорок минут.

— Спасибо, — сказал он. Голос был чужой.

Он пошёл в зал ожидания. Аэропорт Шереметьево в 2036-м выглядел иначе, чем в двадцатых. Больше стекла, меньше людей. Биометрические коридоры — ты просто шёл, и система сама тебя опознавала. Никаких очередей на паспортный контроль. Никаких рамок. Дроны-носильщики — маленькие, на колёсиках, с плоскими платформами — возили багаж. Люди в наушниках, с нейрообручами, с проекциями в воздухе. Никто ни на кого не смотрел. Все были в своих мирах.

Артём сел в кресло у выхода D14. Сумку поставил на пол. Посмотрел на табло. Рейс SU-1741, Москва — Сочи. Вылет в 11:40. Задержек нет. Он смотрел на буквы и цифры, и они не складывались в смысл. Сочи. Зачем он летит в Сочи? Ах да. Оpozнание. Тела. Он поймал холодок узнавания и не сразу понял, откуда тот взялся.

Билет ему нашли в МЧС — официальный вызов на опознание. Место в ближайшем самолёте до Сочи. 31 января, 11:40, рейс SU-1741. Не тот рейс, не тот день, не та причина. Но он летел.

Он закрыл глаза. Открыл. Напротив, на стене, висел большой экран — новости. Звук был приглушён, но субтитры шли бегущей строкой. Артём не хотел смотреть. Но экран был прямо перед ним, и взгляд цеплялся сам.

* * *

«БРИКС+ завершает строительство трансконтинентального энергомоста Россия — Индия — Иран»

«Каспийский водный договор: пять стран впервые согласовали квоты на воду после самого засушливого года за полвека»

«Всемирная организация здравоохранения: четвёртая волна пандемии 2030-х пошла на спад. Учёные предупреждают о новой — возможной — угрозе в 2040-х»

Артём смотрел на буквы. Они плыли. Он моргнул. Строка сменилась.

«Россия и Китай подписали соглашение о совместном ис-

пользовании лунной орбитальной станции. Первый модуль — в 2038 году»

«Индийская фармацевтическая компания объявила о прорыве в лечении нейродегенеративных заболеваний. Препарат проходит финальную стадию испытаний»

«В Бразилии открыт первый полностью автономный город. Население — 50 тысяч человек. Управление — ИИ. Люди довольны»

Артём смотрел на последнюю строку. Автономный город. ИИ. Люди довольны. Он подумал: а кто решает, что они довольны? Он не хотел думать об этом. Он вообще не хотел думать. Но мысли шли сами.

* * *

Он вспомнил, как всё начиналось. Двадцать третий год. Они тогда только познакомились — он и Марина, а потом со временем подтянулись и остальные. Марина работала в клинике, там же подрабатывал Сергей — он был фельдшером, потом ушёл в IT. Оля была её однокурсницей. Дима — коллегой Сергея. Катя — подругой Оли. Игорь — двоюродным братом Димы. Лена пришла позже — через Игоря.

Они собирались сначала в кафе, потом в парках, потом у кого-то дома. Тогда ещё можно было собираться. Тогда ещё никто не боялся, что завтра закроют город. Тогда ещё можно было сидеть в баре, пить крафт, спорить о фильмах, строить планы на лето.

Потом пришла вторая пандемия. Двадцать четвёртый —

двадцать седьмой. Три волны. Локдауны. Маски. Тесты. Очереди. Сергей шутил: «Мы пережили COVID, переживём и это». Они пережили. Но мир изменился.

Артём вспомнил, как в двадцать восьмом они собрались все вместе после локдаунов и затухания горячих конфликтов. Тогда уже было ясно: Запад больше не тянет. Америка добила Европу – своего главного конкурента на геополитической арене, и ушла решать внутренние проблемы. А Россия, Китай, Индия — наоборот, начали договариваться, кооперироваться. Марина тогда сказала: «Мы живём на сломе эпох, в новом мире. И он не хуже старого. Просто другой». Артём не был уверен. Но он был с ней. И этого хватало.

* * *

Экран мигнул. Новая строка.

«Продовольствие: мировые цены на зерно за год выросли на сорок процентов. ООН требует пересмотра квот»

«Климатические переселенцы: к 2036 году свои дома из-за засух и наводнений покинули двести миллионов человек»

«Россия наращивает поставки зерна в Африку и на Ближний Восток. Аналитики называют это зерновой дипломатией»

Артём смотрел на цифры. Двести миллионов. Он попытался представить. Не смог. Он вообще плохо соображал. В голове было пусто и гулко, как в пустом ангаре.

* * *

Экран снова мигнул.

«VR-капсулы нового поколения поступили в продажу. Полное погружение, внутривенное питание, автономность до тридцати дней. Производитель: Шаг в будущее»

«Спрос на сервисы цифровой памяти —аватаров умерших близких — за год вырос втрое. Цифровое бессмертие близко.»

«Новое направление туризма – Проведи отпуск в новой реальности»

«ИИ-ассистенты: до двадцати процентов мощности дата-центров уходит на неизвестные задачи. Эксперты: Мы не можем определить, чем они загружены. При этом дата-центры тратят более 60 процентов энергопотребления всей планеты »

Артём читал про VR-капсулы. Внутривенное питание. Автономность до тридцати дней. Он подумал: зачем? Зачем кому-то сидеть в капсуле тридцать дней? Он не знал. Тогда не знал.

Взгляд зацепился за среднюю строку — про аватаров умерших. Артём поморщился. Мёртвые — это мёртвые. Делать из них «говорящие головы» казалось ему дикостью, чем-то стыдным. Он отвёл глаза. Тогда он ещё был в этом уверен.

Он вспомнил, как они ездили в Питер. Все вместе. Тогда Игорь и Лена только начали встречаться. А Сергей и Оля только притирались характерами: быстро ссорились и так же стремительно мирились. А Дима и Катя спорили, какой но-

вый автомобиль им выбрать. Тогда всё было впереди. Они гуляли по Невскому, пили кофе, фотографировались. Катя сказала: «Давайте каждый год ездить в новое место. Надо расширять границы возможного. Пока можем». Они согласились. Они верили, что могут.

* * *

Артём открыл глаза. Экран мигал. Он не хотел смотреть. Но не мог не смотреть.

«Катастрофа в горах: рейс SU-1734 Москва — Сочи потерпел крушение. На борту — сто семьдесят четыре пассажира и шесть членов экипажа. Выживших нет»

«МЧС опубликовало список пассажиров, зарегистрировавшихся на рейс. Оpozнание погибших будет проходить в Сочи»

Артём достал телефон. Нашёл новость. Пальцы сами открыли список. Длинный, серый, по алфавиту. Чужие фамилии, десятки чужих фамилий — люди, которых он не знал и уже никогда не узнает. Абдуллаев. Бариев. Веденеева. Он скользил по ним, и они ничего не значили.

А потом значить начало всё.

Верес Елена Андреевна.

Верес Игорь Павлович.

Он пролистал ниже. Медленно, будто под водой.

Ковалёв Сергей Николаевич.

Ковалёва Ольга Дмитриевна.

Соколов Дмитрий Игоревич.

Соколова Екатерина Сергеевна.

И — ниже, отдельно, как последняя ступень вниз:

Соловьёва Марина Викторовна.

Семь. Семь имён среди ста семидесяти четырёх. Его семеро — между Абдуллаевым, которого он не знал, и кем-то ещё, кого он тоже никогда не узнает. От этого было только хуже. Их будто смешали с чужими, и уже не отделить.

Он поднял глаза. На стене экран уже сменился — снова международные новости.

«Индия: программа переселения для жителей затопленных побережий — новые дома получают десять миллионов человек»

Артём смотрел на буквы. Они плыли. Мир вокруг менялся. Он менялся всегда. Но сейчас Артём не хотел меняться. Он хотел, чтобы всё остановилось. Чтобы экран погас. Чтобы голоса стихли. Чтобы ничего этого не было.

* * *

Он вспомнил, как Марина сказала «да». Это было полгода назад. Осенью. Они сидели на крыше её дома. Смотрели на Москву. Он достал кольцо. Простое, серебряное. С гравировкой. «М. А.» Она заплакала, и уткнулась ему в плечо. Потом они поехали к друзьям. Отмечать. Игорь открыл шампанское. Катя снимала «исторический момент». Оля улыбалась. Дима спорил с Сергеем, что он выиграл, когда Артём сделает предложение Марине.

Сергей отмахивался, мол, и так было понятно что сделает,

а потом встал и сказал тост. Не смешной, как обычно, — серьёзный, и все притихли. Он поднял бокал и сказал: «За то, чтобы никто из нас никогда больше не оставался один». Тогда все были живы. Тогда все были счастливы. Тогда эти слова казались просто хорошими, но не важными.

* * *

Он вспомнил еще один вечер. Самый обычный. Она приехала к нему после суток. Марина работала в клинике сутки через двое, и после дежурства от неё всегда пахло не больницей даже, а какой-то особой усталостью — той, что въедается глубже запаха лекарств. Она ввалилась, сбросила ботинки в прихожей, и, не сняв куртки, села банкетку, привалившись к стене.

— Не разговаривай со мной десять минут, — сказала она. — Я пока не человек.

Он не разговаривал. Он знал этот ритуал. Десять минут она сидела в прихожей, отходя, — из врача, который всю ночь принимал решения, обратно в Марину. Потом вставала, и это была уже она.

Он налил ей вина, поставил рядом, не трогая. Сам сел напротив, на пол, и просто смотрел. Ему нравилось смотреть на неё, когда она этого не замечала. Прядь выбилась из хвоста, под глазами тени, на запястье — след от снятых часов. Руки. У неё были хорошие руки, точные; он однажды видел, как она в гостях у родителей, не задумываясь, за секунду нащупала пульс на руке матери, которая периодически жало-

валась на аритмию, продолжая смеяться шутке, — тело помнило работу даже в застолье.

Выдохнув она отпила вина и сказала:

— Сегодня деда одного не довезли. Восемьдесят два. Инфаркт. — Она смотрела в стену. — А внучка его в коридоре кричала на меня. Что мы не спасли. Что мы обязаны были. Молодая совсем, лет двадцать. И так кричала, будто, если громче, я его обратно верну.

Артём молчал. Он не умел утешать, но научился не мешать ей выговариваться.

— Я не злюсь на неё, — сказала Марина. — Это не про меня крик. Это она не готова. Люди не готовы. Все думают, что смерть — это ошибка, которую можно оспорить. А это не ошибка. Это просто конец, и всё. — Она устало усмехнулась. — Знаешь, что самое трудное в моей работе? Не мёртвые. Живые, которые не хотят их отпускать. Держат, держат — и сами перестают жить. Сидят годами у фотографии, у могилы. Я насмотрелась. Хуже нет.

— И что ты им говоришь?

— А что тут скажешь. — Она пожала плечами. — Одно и то же. Похороните и живите. Мёртвым от вашего горя не легче — им уже всё равно. А вы ещё есть. Так живите, пока есть. — Она отпила ещё. — Грубо звучит. Но по-другому никак. Кто не отпустит — тот сам себя к ним утянет.

Тогда он не придал этому значения. Просто врач, уставший после смены, говорит о своём. Он и не знал, что запо-

минает это навсегда — что однажды будет цепляться за эти её слова, как утопающий, и что напоминать их ему будут уже другие, а не она.

— Иди сюда, — сказал он. — Хватит про работу.

Она перебралась к нему, ткнула холодным носом в шею — у неё всегда были холодные нос и руки, и она грела их об него, бессовестно, с наслаждением, приговаривая «ты моя печка». Он и был печка. Ему это нравилось.

— Может, переедешь уже ко мне насовсем? — спросил он.

— Не могу. Мне на работу в семь вставать, а от тебя до клиники три пересадки. — Она зевнула ему в шею. — Вот поженимся — перееду, и будешь терпеть меня каждое утро. Ты же по ночам сидишь в своих кодах, а я в шесть уже гремлю чайником. Взвоешь.

— Не взвою.

— Взвоешь. — Она приподнялась, посмотрела на него — тем прямым, врачебным взглядом, который умел видеть насквозь, а сейчас был просто нежным. — Но я всё равно перееду. Куда я денусь. Ты же без меня окончательно ночами спать перестанешь и в сову превратишься.

Это была её вечная шутка — про сову. Он не спорил. Ему нравилось быть тем, о ком думают, и с кем планируют общее будущее. Не страшно менять свои привычки, если есть для кого.

Позже, когда они перебрались в комнату на диван, она уже

задремала, он сидел и смотрел, как она дышит, и думал глупое, счастливое: вот человек, с которым не страшно. Не потому, что она сильная, он спокойно принимал, что её характер сильнее. А потому, что она всегда была с ним открытая, честная. Она смотрела в глаза и не отводила взгляд, не врала, ни ему, ни себе. Мало просто любить, надо быть готовым изменить свою жизнь: не только привычки и распорядок, но и количество свободы, ответственность. Она была готова. Рядом с такой не спрячешься и не обманешься. Рядом с такой — живёшь по-настоящему.

В тот вечер он просто укрыл её пледом, погасил свет и был счастлив так ровно и полно, как бывает только с тем, кого не надо ни удерживать, ни завоёвывать. Кто просто есть. Кто, как ему казалось, будет всегда.

* * *

— Мужчина. Посадка началась.

Артём открыл глаза. Перед ним стояла девушка из аэропорта. Он не сразу понял, кто она. Потом вспомнил — стойка регистрации. Она улыбалась. Сочувственно.

— Ваш рейс. D14. Посадка.

— Спасибо, — сказал он. Встал. Взял сумку. Пошёл к выходу.

Он не помнил, как прошёл посадку. Не помнил, как сел в кресло. Не помнил, как самолёт взлетел. Он смотрел в иллюминатор. Облака. Серое небо. Он уснул. Когда проснулся, пейзаж поменялся. Где-то внизу — горы. Они должны были

быть там. Вместе. Он и Марина. И все остальные. Кататься на лыжах. Смеяться. Жить.

Он закрыл глаза. Вспомнил последнее сообщение в чате. От Игоря: «Взлетаем! Увидимся на склоне!». Тогда он не знал, что это последнее. Тогда он думал, что увидится. В пятницу. На склоне. Он не увидится. Никогда.

* * *

Самолёт приземлился в Сочи через два с половиной часа. Артём вышел. Аэропорт был меньше, чем в Москве. Пальмы. Солнце. Плюс двенадцать. Совсем не зима. Он шёл по коридору, и его встретил человек в форме МЧС. Молодой. Серьёзный.

— Артём Лисин?

— Да.

— Я вас провожу. Машина ждёт.

Они вышли на улицу. Машина — чёрный внедорожник. Артём сел. Посмотрел в окно. Сочи. Город, который он знал по фотографиям. По рассказам друзей. Они здесь были. В двадцать девятом. Без него. Он тогда не смог поехать. Работа. Он всегда не мог поехать. А теперь он здесь.

Машина ехала по серпантину. Море слева. Горы справа. Красиво. Артём не видел. Он смотрел в одну точку.

Он думал о том, что сейчас увидит. Тела. Семь тел. И ловил себя на том, что знает, вернее, помнит это чувство — холодное, ватное, замедленное. Он уже опознавал. Давно, в другом городе, в другом коридоре с таким же ровным све-

том. Ему было девятнадцать, шла сессия, и тогда их было двое — мама и папа. Он вышел из того коридора и понял, что остался один.

А потом появились эти семеро, и он перестал быть один.

Теперь коридор ждал снова. Только на этот раз в нём было семь имён.

Один раз он это уже пережил. Он не знал, как переживёт второй.

Глава 3. Семь

Начало февраля 2036 года, Москва

* * *

Что было в Сочи, Артём помнил кусками.

Холодный зал с ровным белым светом — таким же, как пятнадцать лет назад. Человек в форме, говоривший тихо и внятно, как говорят с теми, кто может не до конца осознавать происходящее. Вещи в прозрачных пакетах, с бирками.

Куртку Сергея он узнал по нашивке — дурацкой, самодельной, над которой все когда-то смеялись. Телефон Оли — в чехле, который ей в подарок выбирали Катя и Лена. Часы Игоря. Ему называли имена, он кивал, подписывал. Рука сама выводила подпись. Голова как будто была где-то отдельно, высоко, под потолком, и смотрела оттуда вниз на человека, который подписывал бумаги.

Про Марину спросили отдельно. Носила ли она украшения. Кольцо, серьги, цепочку.

Артём открыл рот — и не смог. Кольцо лежало у него. В нагрудном кармане, в маленьком пакете. Он достал его из сумки в аэропорту, всё ещё надеясь, что это ошибка, и она жива. Он вёз его, представляя как обнимет её, наденет кольцо на палец, и она пообещает никогда его больше не снимать. Оно так и осталось у него — подогнанное по размеру, готовое, тёплое от его тела.

Он помотал головой. Сказал: нет. Не носила.

* * *

В Москву он вернулся и не заметил как.

Дальше была неделя, которую он потом не смог собрать в одно. Морги, справки, документы, ритуальные конторы, звонки. Оказалось, что семь погибших — это семь семей, которые хоть и знали друг друга, но горе разделило их, т.к. было у каждого своё. Родители Сергея. Мать Оли. Отец Димы, который держался прямо и молчал. Сестра Кати. Старший брат Игоря. Родители Лены, прилетевшие из Екатеринбурга.

А между ними — Артём. Он один знал всех семерых. Он стал нитью, которая связывала семь чужих горестей в одно. Ему звонили, спрашивали, уточняли. Он отвечал. Он был полезен. Пока он был полезен, можно было не думать.

Хоронили пятого февраля.

* * *

Прощание устроили общим — в большом холодном зале с высоким потолком. Семь гробов в ряд. Закрытые. Иначе было нельзя — после катастроф мало что остаётся.

Артём стоял и смотрел на семь крышек и не мог соединить их с людьми. Вот здесь — Сергей. Здесь — Катя. Там — Игорь. Остальные. А за этой крышкой — Марина. Смех, негромкий и хрипловатый. Каток. Крыша. Кольцо.

Ему дали свечу. Тонкую, восковую, тёплую. Он держал её обеими руками, и пламя дрожало от чужого дыхания.

Вокруг стояли семьи. Каждая — у своего гроба. Каждая оплакивала своё: мать — сына, отец — дочь, сестра — сестру. У каждого горя был размер. Одно.

У Артёма их было семь. И ни одного — своего по бумагам. Он никому здесь не приходился ни мужем, ни братом, ни сыном. Жених — это ведь ещё не родственник. Друг — тем более. Он стоял со свечой посреди зала, между семью гробами, и был ближе всех к каждому из них — и дальше всех от права здесь горевать.

Кто-то говорил слова. Артём не слушал. В голове сама собой всплыла осень, крыша, шампанское. Сергей встаёт с бокалом. «За то, чтобы никто из нас никогда не остался один».

Артём стоял среди семи гробов. И более одиноким он ещё не был никогда.

Пламя свечи качнулось и погасло.

* * *

На кладбище шёл снег. Тихо, крупными хлопьями, ложился на крышки, на венки, на плечи. Тот снег, который они любили. Который дал имя их чату. Который должен был шелестеть сейчас под их лыжами на Красной Поляне.

Могилы были недалеко, но не вместе — семьи взяли участки каждая для своих. Артём переходил от одной к другой. Бросал горсть мёрзлой земли. Семь раз. К концу ладонь не отмывалась и не сгибалась от холода, и он был этому почему-то рад.

Он заметил Петра не сразу.

Тот стоял поодаль, у ограды, в чёрной куртке, большой и неподвижный, как памятник самому себе. Он не подходил близко. Он вообще почти не знал их — один вечер за столом, полгода назад. Он пришёл не к ним.

Он пришёл к Артёму.

* * *

Пётр отвёз его домой. Молча. В машине пахло бензином и мокрой псиной — на заднем сиденье лежал старый плед, весь в рыжей шерсти. Артём смотрел на него и не спрашивал.

У подъезда Пётр заглушил мотор, но не двинулся.

— Не буду говорить, что станет легче, — сказал он, глядя в лобовое стекло. — Не станет. Станет по-другому. Потом. Не сейчас.

Артём молчал.

— Я своих хоронил. — Пётр помолчал. — Не одного. Знаю это лицо. У тебя сейчас такое.

— Какое?

— Будто тебя тоже похоронили. А ты почему-то ходишь.

Артём не ответил. Сказать было нечего — Пётр попал точно.

Дома Пётр не стал сидеть, не стал заваривать чай, не стал говорить «поешь». Он просто прошёл, поставил на плиту чайник — чтобы шумел, чтобы в квартире был хоть какой-то звук, — и ушёл к себе. У двери обернулся.

— Стучи, если что. — И, помолчав: — Не в сеть лезь. Стучи в дверь. Понял?

Артём не понял тогда, о чём это. Кивнул. Пётр ушёл.
Чайник закипел и щёлкнул. И снова стало тихо.

* * *

Сумка после возвращения из Сочи так и стояла у двери. Артём смотрел на неё и не мог заставить себя разобрать. Разобрать — значило признать, что всё закончилось. Поставить точку. Что ничего больше не будет. Что не будет встреч, поездок, а двенадцатого апреля они не соберутся после ЗАГСа в ресторане на Патриарших, и Сергей не скажет свой как обычно шуточный, или наоборот серьёзный и проникновенный тост, и он на следующий день не поведёт Марину к алтарю, потому что вести больше некого.

Он не тронул сумку. Сел на пол рядом с ней. Достал телефон.

Открыл «Снег».

Чат был на месте. Обычный, будничныи. Последние сообщения — те, его ночные «Ребят, билетов нет до пятницы». Ответ Игоря: «Закажем шашлык к твоему приезду». Марина: «Я тебя встречу. Начинаю скучать уже сейчас». И его собственное, последнее: «Я тоже».

Он смотрел на эти строки долго. Прокручивал вверх. «Красные лыжи на фоне ковра». «Горы не убегут». «Едем в Питер». «Дима сделал Кате предложение. Парни кто следующий?». «Я не хочу делать Кате предложение, мне вообще-то Лена нравится». и т.д. Восемь лет разговора, свёрнутые в одно маленькое окно.

Пришло уведомление. Приложение бодро напомнило: «Через 3 дня — день рождения у Оли! Не забудьте поздравить».

Артём выронил телефон.

Оля. Через три дня — день рождения у Оли. Бездушный девайс напоминает, что пора её поздравить.

И в памяти всплыла — не эта пиксельная иконка, из уведомления, а та, живая.

Олю можно было не заметить за столом. Она говорила меньше всех — и запоминалась больше всех, потому что говорила по делу.

В тот вечер — обычные посиделки, уже к концу, когда громкие выговорились, — они с Артёмом оказались вдвоём на кухне. Так часто и выходило: пока в комнате гремели Игорь с Сергеем, тихие сами собой стягивались туда, где потише. Оля почти не пила — могла сидеть, где нибудь в сторонке, забравшись с ногами в кресло, с одной и той же чашкой остывшего чая, смотреть на них всех оттуда, и видела, кажется, больше, чем те, кто был в гуще.

— Ты за Серёгой если что иногда приглядывай, — сказала она вдруг. — Он же не умеет один. Ему нужен зритель, а то он сам себя заговорит.

— А ты за что его, если честно? — спросил Артём. Он давно хотел спросить: тихая Оля и громкий, как ярмарка, Сергей — они не складывались на первый взгляд.

— За балабола? — Она усмехнулась. — Так балабол —

это маска. Я замуж выходила не за маску. Я за то, что за ней. Там хороший человек. Замученный только и видевший многое. Мне и слов не надо.

У неё в тот год умерла бабушка — та, что её вырастила. Артём осторожно спросил, как она.

— Нормально, — сказала Оля. И, поскольку не врала никогда, добавила: — Сейчас, нормально. Не сразу, но как говорят, отпустило.

— Слушай, я спросить хотел, ты вот ей страницу в одноклассниках заводишь, с подругами общаться, и как теперь, оставила?

— Оставила. — Она отпила остывший чай. — Зашла под её учёткой, сделала последний пост, что скончалась, похороны тогда-то и там-то, кто хочет, может прийти проститься. И всё, больше не хожу туда. В этом весь фокус, Тём. Оставить можно. Ходить нельзя.

— Не понимаю.

— Это как коробка со старыми письмами. — Она говорила медленно, будто сама для себя проверяла на прочность. — Пусть лежит. Знаешь, что есть, — и спокойно. Но если начнёшь её каждый вечер открывать и перечитывать — всё, пропал. Будешь жить в прошлом, а не в настоящем. Кто ходит на могилу каждый день — тот не помнит. Тот сторожит. А сторожить мёртвых — это не жизнь. Это очередь занять, в яму.

— Жёстко.

— Честно. — Она пожала плечами. — Я их, знаешь, не боюсь — мёртвых. Они тихие. Страшно другое. Если сам с ними мыслями больше времени проводить станешь.

Тогда Артём просто кивнул. Ему казалось — ну, у каждого своё, Оля вообще любит сказать что-нибудь такое, поперёк, а потом отмолчаться весь вечер. Он не запомнил бы этот разговор специально — просто он лёг куда-то на дно и там остался.

А всплыл вот сейчас — когда Артём сидел на полу над неудалённым чатом, и мыслями был в прошлом. Оля как будто предупреждала.

Оставить можно. Ходить нельзя.

Он поднял телефон. Ушёл в настройки. Отключил уведомления — все, наглухо. Чтобы больше ничего не всплывало. Чтобы не поздравлять мёртвых.

Палец завис над строкой «Удалить чат».

Он не смог. Не поднялась рука. Удалить — это как засыпать землёй ещё раз, только уже совсем, без остатка, без единой строчки. Это всё, что от них осталось. Восемь лет. Голоса, шутки, фотки, ... «я тебя встречу».

Он закрыл чат. Положил телефон экраном вниз.

Отключил уведомления, но не удалил их чат.

Он не знал, что этим — сам, своими руками — оставил дверь открытой. Он думал, что просто сохраняет память.

Глава 4. Автопилот

Февраль — апрель 2036 года, Москва

* * *

Первым, что Артём сделал после похорон, — перестал спать в спальне.

Он не решал этого. Просто однажды вечером лёг на узкий диван в кабинете, не дойдя до кровати, да там и остался. Спальня была рассчитана на их двоих — на весну, на апрель, когда Марина переедет к нему, на то, чего теперь не будет. В кабинете ничего такого не предполагалось. Только работа. Это оказалось терпимо.

Дом первое время старался как умел — деликатно, подерживал уютную атмосферу, теми мягкими способами, которые Артём когда-то настроил под себя. Артём вырубил всё. Отыскал в глубине настроек «режим отсутствия» и включил его. Теперь жильё считало, что хозяина нет: не грело зря воздух, не заводило по утрам звуки леса и щебет птиц, не желало доброго утра пустой комнате. Так было честнее.

* * *

Дни он перестал различать быстро.

Будни, выходные, число на проекции — всё утратило смысл, слиплось в одно серое вещество. Ел он то, что приносили дроны; коробки копились на столе, а потом и полу, и он их не выбрасывал, а сдвигал к краю, освобождая пятачок

под локоть. Посуда стояла в раковине столбиком. Раз в неделю по полу шуршал уборщик, объезжая сумку у двери — ту, что Артём так и не разобрал и обходил уже машинально, как обходят фонарный столб.

Жить не хотелось, но спасала работа.

Он зарывался в неё, как зверь в нору. Брал вдвое больше, чем нужно, лез в чужие задачи, напрашивался туда, где справились бы и без него. За обручем не помещались мысли — только чужая архитектура и уязвимости, которые надо найти и закрыть. Пока он латал чужое, можно было не смотреть на своё. Коллеги, кажется, решили, что он герой: столько тянет. Голос по связи держать ровным несложно, а лица его всё равно никто не видел.

Один раз молодой коллега, Никита, поймал его после общего звонка, когда остальные отвалились.

— Слушай, ты там как вообще? Ты пашешь за троих.

— Нормально, — сказал Артём.

Он не соврал. Он просто больше не знал, что стоит за этим словом. «Нормально» осталось в январе — вместе со всем остальным словарём, которым он раньше пользовался не задумываясь.

Никита вздохнул в наушник «Держись давай» и отключился.

* * *

По вечерам Артём выпивал. Не запоем — на два пальца, чтобы придавить мельтешащие мысли и провалиться без

снов. Сны были невыносимы — в них все были живы, в них никто не умирал: Игорь орал «взлетаем!», Катя тыкала в лицо телефоном «Тёма, скажи пару слов как тут круто», Марина звонко смеялась рядом. Просыпаться после таких снов было всё равно что опознавать заново, каждое утро. Проще не видеть их совсем. Алкоголь с этим справлялся.

Первые недели ему звонили — родители Марины, мать Оли, отец Димы. Им тоже некуда было деть свою боль, а Артём был последним, кто знал их детей живыми. Каждый разговор сдирал кожу с обоих. Он отвечал всё короче. Потом перестал брать трубку. И они отступились — у каждого была своя могила, к ней и ходи. Делить горе оказалось не с кем: у всех оно было размером в одного человека и только у него — размером в семь.

* * *

Пётр стучал костяшками. Не звонил, не писал — стучал. Раз в неделю, иногда чаще. За дверью — сам Пётр и рыжий, уже с проседью кобель Граф: лохматый, наглоглазый, он первым делом просовывал морду в щель — понюхать, не завелось ли в квартире чего живого.

— Гуляю его. Дай, думаю, спущусь. — Пётр всегда говорил так, будто причина нужна была ему. — Пошли с нами. Хоть до реки.

— В другой раз.

— Ты и в прошлый так говорил.

Артём отказывался, и Пётр не давил — кивал, уводил пса,

оставляя за собой запах тепла и собачей шерсти. Он не лечил словами. Он просто время от времени проверял, как там поживает его сосед.

Однажды Артём всё-таки поднялся к нему — не заладилось с электроприводом проектора. У Петра пахло стружкой и машинной смазкой. Комнату он переделал под мастерскую: небольшой стол-верстак, тиски, инструмент рядами по стене — каждый на своём крючке, обведённый маркером, чтоб не путать место. На столе — разобранные протезы. Чужие. Пётр их чинил и подгонял — таким же, как он, вернувшимся оттуда, где горело и взрывалось; учил заново привыкать к искусственным конечностям, и к фантомным болям. В углу валялся драный мяч и лежал коврик Графа.

Всё здесь было прилажено, размечено, разложено по своим местам, живо. Работало.

— Заходи, когда невмоготу, — сказал Пётр на прощание. И, помедлив: — Прижмёт — не сиди в сети. Поднимись, постучи. К железкам, к собаке, ко мне. Или на улицу иди: в кафе там, или в магазин какой. К чему угодно, что можно потрогать рукой. В сеть не лезь. Она помогает только с виду.

Артём кивнул, не поняв. Спустился к себе — туда, где ничто не было налажено и ничто не было как прежде. Двумя этажами ниже и целой жизнью.

* * *

Двадцать первого марта он поехал за город. Снова один, как в первые несколько лет в день смерти родителей. Потом

появилась Марина. Ездили уже вместе. Иногда присоединялись друзья. Не навязывались, просто старались чтобы он не оставался в этот день в одиночестве.

Родители лежали под старой берёзой на тихом погосте за Клином. Пятнадцать лет назад — тонкая корка льда на асфальте, встречная фура, — и Артём, второкурсник, пересдававший курсовую и оттого не севший к ним в машину, за одну ночь вдруг стал единственным живым членом их семьи. Снова быть одному в этот день оказалось даже труднее чем в первый год.

Он стоял перед двумя фотографиями — такими родными, и такими же бесконечно далёкими. Он стоял, и комок в горле почти не давал дышать. По щекам текли слёзы, оставляя дорожки на бледных щеках, и он то ли в молитве, то ли в исповеди мысленно рассказывал, как собирался привезти сюда Марину и всех друзей, после свадьбы, и венчания: вот, смотрите, у меня опять есть семья, я больше не сирота, и никогда больше не останусь один.

Семеро лежали на другом краю города. К ним он, после похорон, так и не съездил ни разу. Ни на что не хватало права: тем — сын, дочь, сестра; ему — никто по бумаге и все по жизни.

Обратно он ехал в полупустой электричке, смотрел на рыхлые чёрные поля из-под сошедшего снега и думал странное. Пятнадцать лет назад его спасло то, что он не сел в машину. В январе — то, что не сел в самолёт. Кто-то будто на-

рочно, раз за разом, выдёргивал его из последнего вагона. Он не понимал, зачем его так берегут. И для чего.

* * *

Апрель размыл остатки зимы. Потекло, зачернело, запахло землёй. День растянулся, город полез почками и новой рекламой — всё делало ровно то, что положено весной: оживало. Артём стоял посреди этого оживания отдельно, как забытый и не включённый прибор в пустой комнате.

Вечерами он лежал на диване и смотрел в пустой потолок. Мысли путались и метались рваными фразами от «за что мне всё это», до «а вдруг это сон, просто страшный дурной сон, и мне надо проснуться, и всё будет как раньше». Пару раз ловил себя на нестерпимом желании, открыть их чат, набрать: «Ну как вы там».

Мёртвым не пишут. В этом он пока не сомневался. Пока. Пётр в очередной раз говорил: не терзай себя прошлым, и не лезь перед сном в сеть, выйди, подыши воздухом, развейся, пёселя себе заведи или кота. Когда есть о ком заботиться, о себе некогда думать, и жалеть себя некогда. Артём слышал. И всё равно не мог перестать думать. Работа тоже переставала помогать, в любой момент могла накатить апатия, и всё начинало казаться бессмысленным и не интересным.

К середине апреля он почти перестал замечать даты. Но одну он не смог заглушить, как ни прятал календарь.

Двенадцатого апреля они должны были пожениться.

Глава 5. Первый пост

12 апреля 2036 года, Москва

* * *

Двенадцатого апреля, в два часа дня, в маленьком ресторане на Патриарших им должны были подавать горячее.

Артём знал это до минуты — сам когда-то, глупо краснея, согласовывал с администратором тайминг: церемония, фотограф, пауза, банкет. Ресторан он так и не отменил. Не смог набрать номер и произнести вслух, что свадьбы не будет. Наверное, там всё поняли сами — узнали из новостей. А может, до последнего держали столик. Он не спрашивал.

Весь день он пролежал на диване лицом к стене. Слушал, как за окном идёт чужая, ничего не подозревающая суббота. В два часа он посмотрел на потолок и мысленно провёл их всех по несуществующему залу: вот они с Мариной в дверях, вот Сергей встаёт с бокалом, вот Игорь уже что-то шутит. В три он выпил. К ночи был пьян ровно настолько, чтобы не думать ни о чём, но недостаточно, чтобы уснуть.

Телефон лежал рядом, светился в темноте. Артём взял его не для того, чтобы что-то искать, а чтобы залить глаза хоть каким-то мельканием. Лента поехала вниз под пальцем: чужие поездки, чей-то ремонт, реклама капсул, кот в костюме. Он не видел ничего, просто гнал картинку, как гонят кадр за кадром, лишь бы двигалось.

И остановился.

Марина.

Склон, снег, слепящее солнце. Она стоит вполоборота, щурится, смеётся — в красной куртке, которой Артём никогда у неё не видел. Ветер отбросил ей волосы набок. В руках лыжные палки. За спиной — опора подъёмника, синее небо, размытые чужие лыжники.

Подпись: «Ну наконец-то мы на склоне! Только Артёма не хватает »

Он смотрел и не мог понять, что не так. Всё было так. Невыносимо так: её прищур, её ямочка, её дурацкая привычка держать палки слишком высоко. А потом взгляд соскользнул на серую служебную строчку под фотографией.

Опубликовано вчера.

Артём сел. Хмель слетел мгновенно, будто его выдернули из розетки.

Вчера.

Он смотрел на строчку и ждал, что она исправится. Она не исправлялось. Он обновил страницу — думал, сбой, старый снимок всплыл из архива. Пост остался вчерашним. Под ним висели лайки, живые, свежие, и чей-то комментарий: «Красотка! С возвращением на склон». Отвечено два часа назад. Марининой рукой: «Спасибо!».

Два часа назад.

Он открыл её страницу.

Она листалась вниз, и от каждого движения делалось ху-

же. Фото с трассы. Селфи в кафе с глинтвейном. Короткое видео: камера дрожит, за кадром смеётся её голос, снег летит в объектив. Даты — все за последние сутки-двое: сегодня, вчера. А выше, до вчерашнего, — пусто: страница молчала с января. И вдруг, будто её разом включили, ожила. Ровно, будто ничего не случилось. Будто не было ни авиакатастрофы в горах, ни семи гробов, ни мёрзлой земли, которую он бросал горстями.

Первая мысль пришла спасительная, профессиональная: взломали. Кто-то получил доступ, поднял старые снимки, балуется. Он даже обрадовался этой мысли — за неё можно было держаться. Он всмотрелся в фотографии, ища шов, склейку, чужую руку. Их не было. Красная куртка, которой он не знал. Ракурсы, которых не существовало. Кафе, где они никогда не сидели.

Это были не старые снимки

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.